

И. Н. Дементьева

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

ДЕМЕНТЬЕВА Ирина Николаевна – младший научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук. E-mail: irinika_74@mail.ru.

Аннотация: В статье рассмотрены основные теоретические подходы к исследованию протестного поведения в зарубежной социологии. Выделены этапы и особенности изучения социального протеста в отечественной науке. Определены основные тенденции в развитии методологии исследования факторов, детерминирующих протестное поведение. Обоснована научная и практическая значимость исследования теоретико-методологических проблем изучения протеста для более глубокого осмысления данного феномена, а также коррекции стратегии федеральной и региональной политики для снижения социальной напряженности в обществе.

Ключевые слова: социальный протест, социальная напряженность, коллективное поведение, мобилизация ресурсов, относительная депривация, общественные движения.

В современном российском обществе социально-политические процессы сопровождаются распространением неудовлетворенности людей ситуацией, сложившейся в различных сферах общественной жизни, другими словами, социальной напряженности. Один из аспектов ее проявления на социально-психологическом и поведенческом уровнях – это социальный протест. Хотя в литературе представлены различные концептуальные подходы к определению моделей и форм протестной активности, однако социальный протест по-прежнему остается недостаточно изученным.

Цель нашего исследования состояла в анализе и обобщении основных теоретико-методологических подходов к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке.

Проблематика протеста рассматривается в западной науке в рамках либо психологических теорий социального стресса, либо теорий аномии, дезорганизации и других, которые делают акцент на объяснении девиантной адаптации индивидов к социальной среде. Изучение политического протеста и насилия тесно взаимосвязано с исследованиями в области конфликтологии и социологии общественных движений.

В зарубежной науке можно выделить три группы теоретических моделей, претендующих на объяснение общественных движений и протеста. Наиболее распространенной является **концепция коллективного поведения**. Речь идет об относительно стихийном и неорганизованном поведении людей, реагирующих на неопределенную или

угрожающую ситуацию. Среди теорий коллективного поведения: теория заражения Г. Лебона, теория конвергенции Г. Олпорта, теория возникновения норм В. Тэрнера, теория политического протеста Дж. Школьника, теория прирастающей ценности Н. Смелзера [3, с. 527], теории Х. Ортеги-и-Гассета, Д. Рисмена. Каждая из них объясняет разные аспекты коллективного поведения. Теории, делающие упор на иррациональные психологические факторы, помогают осознать причины массовых самоубийств. Социальные протесты, перерастающие в демонстрации или беспорядки, можно глубже всего понять в свете теорий, подчеркивающих роль «рациональных» факторов: теории конвергенции, политического протеста или прирастающей ценности.

Сторонники теории коллективного поведения толкуют социальный протест как один из типов коллективного поведения, а само понятие «протест» ставят в один ряд с таким понятием, как «толпа». Некоторые авторы (Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд, Г. Блумер) интерпретируют социальный протест как социально-психологический феномен, понимание сущности которого следует искать в проблемах психологического порядка: в психологии толпы и массы. В социологической мысли XX в. в рамках рассматриваемого подхода социальные протесты, как и любая другая форма коллективного поведения, связываются с повышенной эмоциональной напряженностью (массовая враждебность, социальное беспокойство, массовое возбуждение, паника, истерия, агрессия) и характеризуются иррациональностью (необычностью, стихийностью, непредсказуемостью). Социальные протесты, по мнению исследователей данного направления, – это движения радикально настроенных, революционизированных, «буйствующих толп», которые нарушают общественный порядок и законы. Наиболее разрушительная форма массового протестного поведения – революция, которую Г. Лебон считал проявлением массовой истерии, триумфом иррациональности.

Другие авторы, также рассматривающие социальный протест как одну из форм коллективного поведения, полагают, что протестное поведение обусловлено социальными условиями, а не психологическими факторами. Показательным в этом отношении является подход Н. Смелзера, который, изучая природу протестного поведения, придает большое значение определенным социальным условиям и деятельности представителей власти. Социальный протест, с точки зрения исследователя, – это попытка изменить социальную среду. Он включает такие общие (для коллективного поведения) элементы, объясняющие его природу: массовые социально-политические волнения как основное благоприятствующее условие; разрушение доверия, враждебность в отношениях между определенными социальными субъектами и представителями власти; распространение в определенных социальных кругах убежденности во враждебном, предубежденном отношении властей к данному социальному субъекту; различные активизирующие факторы, ситуативные катализаторы (прецеденты) массовых выступлений; мобилизация к действиям – процесс «собирания» социального субъекта («толпы»); неадекватный социальный контроль – позиция и реакция представителей власти, провоцирующие стихийное массовое поведение.

Авторы, исследующие социально-политические процессы, определяют социальный протест как социально-политический феномен. Так, в работах А. Марша протест рассматривается как форма «нетрадиционного» политического поведения. При этом критерием традиционных и нетрадиционных политических действий служит наличие и, соответственно, отсутствие правил и законов, способствующих регулярному представлению интересов различных социальных групп. Традиционное политическое поведение основано

на широком круге нормативных правил и законов, являющихся неотъемлемым элементом функционирования такого механизма регулярного выражения интересов, как, например, выборы. В случае нетрадиционных форм политического поведения отсутствуют какие-либо нормы, способствующие регулярному проведению митингов, протестов, политических демонстраций, бойкотов, забастовок и т. п., и вместе с тем присутствует множество нормативных правил и законов, ограничивающих или запрещающих проведение подобных акций. В рамках анализа влияния нормативного, законодательного регулирования политической жизни общества на политическое поведение социальные протесты также рассматриваются политологами как явления, связанные с нарушением социального покоя, стабильности социальной ситуации, как вероятные, потенциальные формы дестабилизации общественного порядка. Значимость правового регулирования, с этой точки зрения, определяется путем противопоставления «рутинной», обычной политики, с одной стороны, и политики, предполагающей нарушение общественного порядка (протестное поведение), – с другой.

Еще одна трактовка понятия, представленная Д. Школьником, представляет социальный протест как форму политической борьбы социальных субъектов, в политическом самосознании которых возникло недовольство «системой», политикой властей. В таком понимании социальный протест – крайняя мера в условиях, когда недоступны санкционированные обществом средства выражения политических позиций. Недоступность «политически институциональных» средств ведет к ориентации на «неинституциональные» – протестные.

Каждая из упомянутых выше теорий объясняет разные аспекты коллективного поведения, целесообразно рассматривать эти теории в совокупности, что поможет объяснить сложную и загадочную стихию человеческого поведения.

Протест рассматривается западными учеными и в **теории мобилизации ресурсов**, которая является одним из направлений социологии общественных движений. Она появилась в 70-е годы XX в. В рамках этого подхода общественное движение определяется как присущая тому или иному обществу совокупность установок на социальное изменение. Данная теория представляет социальные движения как нормальный, рациональный, институционализированный политический вызов недовольных групп. Граница между конвенциональной политикой и социальным движением размывается, но не исчезает совсем. Общественное движение – это конфликтный тип коллективного действия, когда конфликт возникает между интересами власти и социальных субъектов.

Фундаментальные социально-экономические изменения создают условия для возникновения движений, так как меняются доминирующий тип организационной структуры и положение социальных сил в обществе. Если эти изменения осознаются лидерами движения, они могут использоваться в качестве ресурса мобилизации.

Уровень материального благосостояния и экономического развития общества, как считают Дж. Маккарти и М. Зальд, также влияет на развитие общественных движений. В богатых обществах сектор общественных движений больше, они носят узкоцелевой реформаторский характер. В бедном обществе распространены более радикальные движения с широкими целями. В богатых обществах свободное время и деньги являются ресурсами движения, при этом возможно спонсорство. Существуют финансовые фонды, которые дают возможность организовать новые движения. Лидеры – антрепренеры таких движений – провоцируют социальное недовольство.

Политические условия развития общественных движений в основном связаны с развитием политического конфликта в обществе. По мнению А. Обершолла, социальный конфликт возникает как реакция на недовольство существующей системой. Политическое недовольство может иметь несколько причин. Во-первых, оно возникает в социальных группах, находящихся под внешним, чаще всего иностранным, правлением, или как следствие уменьшения властных полномочий местных региональных групп власти в результате политики унификации и централизации. Это – конфликт между элитами различного уровня. Население обычно поддерживает в подобных движениях сопротивления свои старые элиты, не зная, чего можно ожидать от новых.

Во-вторых, причиной политического недовольства может стать требование социальных групп или субъектов больших властных полномочий, прав и признания со стороны властей. Результатом обычно становятся движение коллективного протеста и оппозиция.

В-третьих, недовольство возникает, когда властные полномочия находятся у группы, которая утратила свою легитимность, но старается удержаться у власти неправомерными способами, чаще всего путем фальсификации выборов.

В-четвертых, недовольство может быть реакцией на ситуацию, когда режим был установлен нелегитимным способом и удерживает власть при помощи силовых методов. При тоталитарном режиме запрещенной оппозиции ничего не остается, как выйти со своими требованиями на улицы.

Наконец, политическое недовольство может вызвать неэффективная власть, не способная обеспечить решение наиболее важных своих задач, к примеру, защитить единство территории и национальные интересы от притязаний иностранных сообществ.

Ч. Тилли указывает, что в обществе всегда присутствует сегмент населения, недовольного существующей властью и устройством взаимоотношений в обществе. Однако недовольство носит латентный характер вплоть до того момента, когда возникают новые политические возможности и ресурсы для мобилизации недовольных групп и активного коллективного действия для изменения ситуации.

Представителями теории мобилизации ресурсов выработана модель структуры политических возможностей, которая помогает оценить, насколько возможна в данном обществе мобилизация недовольства и какой характер будет носить само общественное движение. Структуре политических возможностей присущ ряд показателей:

1. Степень открытости политической системы. В открытой системе существует высокая степень отзывчивости власти на требования, выдвигаемые снизу. В закрытой системе применяются репрессивные меры по отношению к любым инициативам и коллективным действиям. К показателям степени открытости системы относятся: число политических партий, фракций и групп, которые способны переводить требования различных социальных групп на язык официальной парламентской политики, при этом, чем их больше, тем менее вероятно формирование движения, требования которого не вписывались бы в политический спектр требований политических партий; разделение исполнительной и законодательной ветвей власти; нерегламентированный характер связей между исполнительной властью и группами интересов; наличие механизма объединения и согласования требований (открытость системы уменьшается, если отсутствует механизм формирования компромиссов).

В открытых системах движения носят конкретно-целевой и реформаторский характер, они используют мирную политику и действуют в рамках существующих институтов. В закрытых системах возникают более радикальные движения с конфронтационной тактикой.

2. Степень политической стабильности в обществе. Индикаторами для измерения стабильности являются: раскол или согласие в структурах власти, обострение или угасание социальных или межнациональных конфликтов, степень электоральной стабильности.

3. Возможности приобретения влиятельных политических союзников. Используя данные индикаторы, можно оценить степень политических возможностей, которыми обладает общественное движение, а также объяснить, по каким причинам оно избрало те или иные тактики и стратегии коллективного действия.

Ядром теории мобилизации ресурсов является понятие социальной организации [11, с. 92], которая развивается по тем же законам, что и всякая другая. Для ее успешного существования необходимы ресурсы, что делает возможными совместные протестные действия, способствует изменению ориентации в целенаправленную преобразовательную деятельность.

Ученые различают внешние и внутренние ресурсы социальной организации. Среди внешних – такие разнопорядковые факторы, как степень правового развития общества, наличие демократических традиций, развитость инфраструктуры, достаточный уровень богатства общества, его финансовые возможности. Внутренние ресурсы – это люди, занятые в движении; время, затраченное на организацию; деньги, находящиеся в ее распоряжении.

Задача всякой организации заключается в мобилизации ресурсов посредством перегруппировки аудитории: в увеличении числа участников за счет сторонников, сторонников – за счет наблюдателей, превращении противников в наблюдателей.

Социальные организации существуют в условиях определенной атмосферы, создаваемой обществом. Общий социальный фон может тормозить или стимулировать развитие общественных движений. При тоталитарном режиме социальные организации существуют только в виде небольших подпольных групп, срок деятельности которых чрезвычайно мал, а социальный охват узок. Можно сказать, что в этих условиях организация существует, а движение – нет. При либерализации общества движения начинают зарождаться, приобретая все более открытый характер. В демократических государствах традиционно существует обширный сектор общественных движений разной направленности. Чем он больше, тем динамичнее общество. Такой подход к исследованию общественного движения позволяет рассмотреть его в рамках определенной социальной структуры, в контексте общества и предложить собственно социологический анализ явления.

В последующие годы теория мобилизации ресурсов получила развитие в теориях структуры политических возможностей (С. Терроу, Д. Рухт, Б. Кландерманс).

Немаловажное значение в зарубежной социологической литературе занимает проблема выявления факторов, которые лежат в основе социального протеста [14].

В 70-е годы XX в. на Западе широкое распространение получила **концепция относительной депривации**, введенная в научный оборот С. Стауффером, а затем получившая развитие в работах М. Мертон и В. Руинсимана [12]. Она описывает определенные виды ограничений в социально-экономической жизни, которые испытывают

те или иные группы местного (локального) сообщества, и создают условия для возникновения политической или социальной напряженности.

Эта теория исходит из идеи о том, что политический порядок поддерживается в той степени, в которой в его рамках люди обеспечены средствами, позволяющими им работать для достижения своих устремлений. Напряженность возникает тогда, когда группа начинает усматривать разрыв между устремлениями и доступными средствами. «Относительность» здесь вытекает из неоспоримого социологического факта, что установки людей, направленные на средства и устремления, формирует их групповая идентичность. Относительная депривация создает и формирует латентную социальную напряженность. Потенциал социальной напряженности является функцией масштаба, интенсивности и типа относительной депривации.

Тип относительной депривации зависит от групп ценностей, на которые она воздействует. Понятие масштаба описывает распространенность депривации на каждый из видов ценностей – экономические, социальные или политические. Масштаб следует рассматривать как некий континуум, поскольку в любой из групп населения необходима идентификация индивидов, которые ощущают себя депривированными к некоторым видам ценностей. Исследования относительной депривации включают два уровня: материальный и ценностный, причем ни один из них нельзя сколько-нибудь полно интерпретировать без учета его соотношения с другим.

Согласно этой теории, механизмом, запускающим протест и насилие, является увеличение разрыва между быстрым ростом ожиданий, вызванных общественными изменениями, и возможностями их реального удовлетворения. Под депривацией же понимается субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему. Иначе говоря, ощущение недовольства, расхождение между потребностями и возможностями их удовлетворения ведет к стрессу, агрессии, протестным ориентациям личности, а отсюда и к появлению протестных движений.

Итак, исследование проблемы протеста в зарубежной социологии развивается параллельно с изучением проблем насилия, отклоняющегося поведения, общественных движений. Сложилось несколько теоретических направлений, занимающихся темой протеста и факторов формирования протестного поведения. Основными являются теория коллективного поведения, теория мобилизации ресурсов, теория относительной депривации. Первоначально каждая теоретическая схема утверждалась в противовес предыдущей, отвергая часть ее выводов, точнее определяя границы ее применимости, однако впоследствии, по мере накопления данных, в социологии возник методологический сдвиг в сторону плюрализма теорий, когда предлагаются модели, охватывающие все исследовательские подходы.

Зарубежные теоретические разработки стали базой исследований отечественных ученых, изучающих феномен протеста.

Проблема социального протеста относится к слабо изученным темам современной российской социологии. Здесь можно выделить два этапа. Первый охватывает период со второй половины 1960-х до середины 1970-х годов, когда ученые анализировали движение протеста в западном обществе. Большинство работ ограничивалось критикой западных концепций, которым противопоставлялась теория классовой борьбы и социальной революции. На данном этапе изучением протестной проблематики у нас занимались философы, среди которых нужно прежде всего назвать К. Г. Мяло, В. В. Большакова,

Э. Я. Баталова. Второй этап - с конца 1980-х годов и до настоящего времени, когда предметом исследования стали социальные протесты в российском обществе. В конце 1980-х годов изучение протеста в России осуществляется в рамках особого направления – социологии общественных движений. Общественные движения периода перестройки уходят с политической арены, а сохранившиеся организации и их блоки нестабильны или переживают кризис, консолидируется электоральная политика. Акции протеста, хотя и в меньшем масштабе, продолжают иметь место, они становятся рутинной публичной сферы. Внимание исследователей общественных движений смещается к анализу ориентации на протест и протеста как социального действия [15]. В рамках анализа ориентации на протест исследуются факторы, детерминирующие потенциальное протестное поведение. Разработки отечественных ученых основываются на теоретических концепциях протеста зарубежных исследователей.

В области методологии данного исследовательского направления можно выделить три тенденции.

- 1 Ориентация в изучении протеста на теорию относительной депривации, где главным фактором возникновения социального протеста считается чувство недовольства личности (Д. Ольшанский, Г. Монусова, А. Кинсбургский, М. Топалов, Ю. Левада и др.). Согласно этой теории, неудовлетворенность социальных групп, вызванная расхождением ожиданий с возможностями их удовлетворения, является показателем социальной напряженности и при определенных обстоятельствах может вылиться в открытый протест.
- 2 Обращение не только к депривационным моделям, но и к различным версиям теорий мобилизации ресурсов, политического процесса и т. д. В основе этого «политического» подхода лежит предположение о том, что основные факторы, повышающие вероятность обращения к протесту, связаны не с депривацией, а с вовлеченностью в политику и возможностью влиять на принимаемые политические решения. Сторонником данного направления в западной социологии был А. Марш. Отечественные исследователи В. Гельман, В. Костюшев, М. Назаров, Е. Здравомыслова, В. Сафронов отмечают связь разных форм политического протеста с развитием партий, движений, неправительственных общественных организаций (т. е. атрибутов гражданского общества). Неразвитость последних – это та характеристика политической культуры, которая препятствует формированию политической активности вообще и политического протеста в частности.
- 3 Третья тенденция (начиная с 1990-х годов) связана с появлением новых направлений российских исследований, посвященных отдельным аспектам протестной активности различных групп населения. Так, в этот период некоторыми авторами (Л. Гордон, Э. Клопов, А. Назимова, А. Темкина, А. Кравченко, А. Зайцев) изучается рабочее движение. С осени 1989 г. усиливается внимание социологов к анализу забастовок как специфической для рабочего движения формы протеста, проявления производственного конфликта.

Безусловным лидером в изучении этнических движений является группа этносоциологов Института этнологии и антропологии РАН под руководством Л. Дробижевой.

Они выполняют обширную программу (международные проекты, в том числе по этническим конфликтам и напряженности, в рамках которых разрабатываются концепции движений и осуществляется их мониторинг в различных регионах постсоветского пространства – странах Балтии, Армении, Молдове, Украине, Башкортостане, Республике Саха, Калмыкии, Туве и др.). Предметом исследования являются отдельные этнические движения: причины их возникновения, организационные формы, ресурсы, лидерство, взаимодействия с властью, цикл мобилизации.

Проблемами экологических движений занимается группа научных сотрудников ИС РАН (О. Яницкий, В. Глазычев).

В Центре гендерных исследований ИСЭПН РАН и в Центре гендерных проблем С.-Петербурга начинается изучение женского движения. Оно определяется как коллективные действия, обусловленные положением женщин в обществе. Позднее тематика включается в проекты СПбФ ИС РАН, Центра независимых социологических исследований. В рамках РОС создана секция исследования социогендерных отношений и женского движения. Большое значение для становления этой сферы имеют исследовательские контакты и поддержка западного феминистского движения (США, Германия, Финляндия).

Особое место занимает разработка проблем социального протеста в регионах в контексте современной концепции жизненных сил человека (С. И. Григорьев, Ю. Е. Растов, В. В. Бондарев и др.).

С начала 1990-х годов проводятся эмпирические исследования показателей социального недовольства и протестного потенциала в российском обществе. Одной из первых такие исследования во всероссийском масштабе с начала 1992 г. стала проводить Служба изучения общественного мнения VoxPopuli. Исследования динамики таких субъективных показателей, как ожидания людей относительно возможности проведения массовых акций протеста в их городе или районе, а также готовности принять участие в этих акциях, проводятся Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), исследовательским холдингом «Ромир», Центром исследования политической культуры России, Федеральным агентством правительственной связи и информации. Наиболее продолжительные и детальные динамические ряды (почти ежемесячные замеры показателей с начала 1993 г.) содержатся в публикациях Всероссийского Центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [13, с. 114]. Институт социально-экономического развития территорий РАН отслеживает основные тенденции динамики протестных настроений жителей региона в рамках регулярного мониторинга общественного мнения, проводимого на территории Вологодской области с 1995 г. [6, 7, 8].

Таким образом, в зарубежной и отечественной науке существуют различные концептуальные направления и подходы к определению моделей и форм социального протеста, факторов формирования протестной активности. Достаточно разработанной является проблематика реального социального протестного поведения.

При этом в исследовании данной темы существует ряд нерешенных проблем.

- 1 Недостаточно изученной остается проблема декларируемой готовности населения участвовать в акциях протеста, которая во много раз превышает реальное участие.

- 2 Большинство работ, посвященных этой тематике, носит описательный характер: не анализируются причины, мотивы, факторы потенциальной протестной активности.
- 3 Требуется разработки проблема потенциала социального протеста на региональном уровне. Определенный уровень протестного потенциала является важным показателем социального неблагополучия в социуме, распространения настроений недовольства существующей ситуацией в той или иной сфере общественной жизни. В связи с этим теоретико-методологическое исследование проблемы социального протеста особенно актуально для коррекции стратегии федеральной и региональной социальной политики с целью предупреждения и снижения уровня социальной напряженности в обществе, предотвращения социальных конфликтов.

Литература

- 1 Авксентьев В. А. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / под ред. М. К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2008. – 368 с.
- 2 Аксенова О. В. Развитие общественных движений в современной России // Россия реформирующаяся, 2003 : ежегодник / под ред. Л. М. Дробизевой. М.: Ин-т социологии РАН. 2003. С. 281–307.
- 3 Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1. (А-О). М.: Вече: АСТ, 2001.
- 4 Головин Ю. А. Особенности социально-политических напряжений и конфликтов в крупных региональных центрах России : (Нижний Новгород – Ярославль) // История и методология политической науки. 2010. № 5. С. 58–64.
- 5 Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 15–26.
- 6 Гулин К. А., Дементьева И. Н. Основные тенденции протестных настроений жителей Вологодской области // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 64–71.
- 7 Гулин К. А., Дементьева И. Н. Протестные настроения населения региона в условиях кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 3. С. 53–65.
- 8 Дементьева И. Н. Протестный потенциал населения Вологодской области и формирование социального капитала // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6. С. 84–92.
- 9 Епархина О. В. Конфликты в современном российском обществе: теория и практика исследования и разрешения // Высшая школа экономики: [веб-сайт]. URL: <http://www.hse.ru/data/930/056/1236>.
- 10 Здравомыслова Е. А. Парадигмы и модели социологии общественных движений // Социология общественных движений: концептуальные модели исследований 1989-90 гг. М.: Наука, 1992.
- 11 Здравомыслова Е. А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 88–94.

- 12 Здравомыслова Е. А. Социологические подходы к анализу общественных движений: учеб. пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2006. – 161 с.
- 13 Кинсбургский А. В. «Долготерпение» российского народа: проявление толерантности или низкой политической культуры? // Публичная сфера и культура толерантности: общие проблемы и российская специфика / под ред. Ю. А. Красина. М.: Ин-т социологии РАН, 2002.
- 14 Клемент К. М. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. – 688 с.
- 15 Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста / В. А. Ядов, С. Г. Климова, И. А. Халий и др // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / под ред. М. К. Горшкова. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 85–101.
- 16 Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения / под ред. Е. И. Степанова. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
- 17 Степанов Е. И., Куконков П. И. Моделирование, мониторинг и менеджмент региональных напряжений и конфликтов в современной России: проблемы и перспективы // Россия реформирующаяся, 2003: ежегодник / под ред. Л. М. Дробижевой. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. С. 338–363.
- 18 Чувашова Н. И. Факторы нереализованности потенциала социального протеста в российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2007. № 2. С. 119–128.
- 19 Яницкий О. Н. Россия. Экологический вызов: (общественные движения, наука, политика). М., 2002. – 428 с.